

Сергей СКУРАТОВ: «Архитектурную моду в России всегда создавали политики»

Известный архитектор — о работе на сломе эпох, законах джунглей и новых порядках в профессии

06.12.2013

Фото Юрия Роста

Сергей Скуратов — один из тех, кто в своем деле олицетворяет гамбургский счет. Его здания в Москве выглядят неожиданными островами качественной архитектуры, опровергающими ощущение нарастающей катастрофы среды. Спроектированный им небоскреб на Мосфильмовской только что вошел в пятерку лучших небоскребов мира, по версии Emporis, независимого сообщества экспертов в области высотного строительства. У Скуратова — слава звезды и репутация несговорчивого автора. С ним обсуждаем проблемы столичной архитектуры, тесно связанной с проблемами общества.

— Архитектура может быть моральной и не моральной? Спрашиваю, хотя сегодняшняя Москва — немой ответ.

— Я бы скорее сказал: архитектура может быть честной или бессовестной. Сейчас в умах людей архитекторы вырастают иногда в гениев зла. Но это все равно что ненавидеть всех врачей, потому что среди них есть и плохие. Хотя логика тут внятная: слишком многое в российской архитектуре идет под диктовку реальности, а она часто диктует с грубыми ошибками. Ну вот пример, недавняя ситуация. Был объявлен конкурс на застройку последнего свободного участка в Соймаоновском проезде: сквер, дом Перцовой, церковь Ильи Пророка, напротив — храм Христа Спасителя. Красивое место. Заказчик хочет построить элитный (хотя я очень не люблю это слово) дом, земля страшно дорогая: вид на Кремль. В условиях конкурса написано: наземная площадь здания должна равняться 32 тысячам квадратных метров. Но я понимаю, что для этого участка такой объем совершенно невозможен. 2-й и 3-й Обыденские — старинные переулки, люди здесь привыкли к маленькому парку: он необходим, как пауза в застройке, рядом старый храм и пр. Я

понимаю, что надо соединить ощущение свободы и парковости, построить дом красивый и деликатный; с уважением отнестись к церкви, видам на Кремль, дому Перцовой. Поэтому в доме должно быть никак не больше 5 этажей и 20 тысяч квадратных метров. Воплотил это решение в проект, понимая, что заказчик-то на конкурсе выберет здание в 32 тысячи. И, к сожалению, не ошибся.

— Не лучше ли наконец целиком законсервировать новое строительство в центре?

— Нет, не лучше! Гораздо лучше доказать, что современная архитектура может быть сильным и достойным собеседником в диалоге с архитектурой исторической. Просто для этого она должна быть умной и деликатной. Потому что историческая архитектура — как мама, она тебе дорога, ты ее любишь, но это не значит, что ты должен ее во всем копировать. Новое внутри старого неизбежно, просто надо искать точную форму.

— На теле Москвы каждая эпоха оставляла свои раны. Сохранил ли город в итоге хоть сколько-нибудь цельный образ?

— А разве образ израненного, со шрамами человека — не цельный? Красота старых городов — не в гладкости и однообразии. Трещины, утраты и следы времени могут быть прекрасны. Конечно, лучше, когда это благородная патина времени, а не просто грязь и новоделы. Но в родном старом городе обычно не чувствуешь агрессии.

— А когда архитектура становится агрессивной?

— Ну есть психологические законы формирования гуманных пространств. Размеры двора, в котором ты можешь из окна увидеть своего ребенка, пропорции домов, которые не превращают человека в мышь. Но опять-таки: если ты родился в Нью-Йорке, ты воспринимаешь это как данность.

— Нью-Йорк и у приезжих вызывает эйфорию, выброс адреналина...

— У меня-то точно! Меня в этом городе охватывает настоящий градостроительный экстаз: потрясающая разумная матрица, сетка улиц, организация движения, воздух, ветер, парки, вода. Но Нью-Йорк исторически очень сильно отличается от европейских городов, которые выросли из крепостей, увеличивались кругами. А радиально-кольцевая система, которая досталась Москве, — конечно, не подарок.

— Московская архитектура — как государство с неписаными законами, которые все время меняются. Что доминирует сегодня?

— Ситуация в Москве — зеркало того, что происходит в обществе. Москва — фокус, катализатор. Повсюду ощутима какая-то неуверенность в завтрашнем дне, да и в сегодняшнем тоже. Поэтому идет в ход простая философия: здесь и сейчас! Куй железо, пока горячо! И прочее в том же духе. При этом иногда даже стараются всерьез и «для всех» — строят станции метро, прокладывают дороги, осваивают новые территории, но почему-то даже это выглядит как-то случайно и неубедительно. Эти огромные новые территории, зачем их осваивать? Завозить дикое количество дешевых рабочих? Понятно, что при той экономике строительного бизнеса, которая существует сейчас, потребность в гастарбайтерах все время будет расти, а значит, будут только обостряться проблемы.

Городские участки расходятся как горячие пирожки, но суть в том, что в большом городе ни участками, ни пирожками нельзя торговать бесконтрольно: можно надолго испортить здоровье.

Архитектура стала заметной, важной профессией, но все архитектурные попытки спасти ситуацию обречены, если еще до проекта — длинная цепочка неправильных решений.

— В столице значительная часть центра — мертвые здания, в которых никто не живет. Москва становится городом архитектурных муляжей, как вокруг Остоженки...

— Ну да, Остоженка как душераздирающий пример «морального упадка архитекторов». Но боюсь, что и Остоженка — это не архитектурная история. А следствие причудливого устройства нашей экономической жизни. Я и сам люблю иногда вспомнить и ностальгически оплакать эти пыльные дворы между ржавыми гаражами и покосившимися коммунальными тараканниками, рай для интеллигентных алкоголиков. Этот рай в 50-е годы прошлого века всерьез хотели пустить под бульдозер. А мы на рубеже веков собирались создать там комфортную среду, объединив лучшее из старого и нового, проектировали не только дома, но и пространства между ними, парки, дорожки, детские садики, музеи! Но не появилось Парижа. Потому что Париж — это синоним города для людей.

Теперь там пустынно и холодно, всего на треть заполнены новые дома, не целуются пары в уличных кафе, не играет джаз и не бегают дети. Рай — для охранников и персональных водителей. А мы для людей строили, а вовсе не для того, чтобы устроить из этого района большую банковскую ячейку.

Почему помещения, которые я спроектировал для галерей и детских студий, охраняют какие-то мрачные упыри, которые с угрожающим видом спрашивают у прохожих: «Что вас интересует?» Ну,

Небоскреб на Мосфильмовской. Автор — Сергей Скуратов

Фото Алексея Комарова

конечно, потому что и я, и мои коллеги-архитекторы — злобные человеконенавистники и хищные акулы. Это, я думаю, единственное разумное объяснение.

— Какое, кстати, в вашем цехе соотношение акул и уважающих среду и Москву профессионалов?

— Если статистически, то я думаю, что среди нас больше акул, чем среди библиотекарей, и намного меньше, чем среди биржевых брокеров. Но если говорить всерьез о неправильных решениях и компромиссах, на которые идут архитекторы, то тут уже надо разбираться индивидуально. И обществу очень полезно понять, где, кем и в какой момент принимается решение, за которое потом приходится долго и дорого расплачиваться всем.

— Неужели важные стратегические решения принимаются при закрытых дверях?

— Конечно. Какие открытые двери при таком климате? На самом деле сейчас общими усилиями удалось некоторые двери открыть и некоторые процессы в городе сделать публичными. И спасибо всем, кто готов так работать. Архитектурные конкурсы тому пример. Но конкурсы проходят, а вопросы остаются. Кто и как готовит для них техническое задание? Кто определяет состав жюри? Почему чуть ли не у всех конкурсов один и тот же председатель жюри? Кто в здравом уме будет ему возражать, если по случайному совпадению обстоятельств он одновременно высокопоставленный городской чиновник, имеющий право согласовывать или не согласовывать все городские проекты? И, наконец, кто придумал искушать и подставлять молодого, амбициозного и профессионального архитектора такой неприличной концентрацией власти? Я даже не думаю, что это какой-то мифический злодей, скорее просто дурная традиция...

— То есть архитектура продолжает быть сводной сестрой политики?

— Не столько архитектура, сколько большое строительство. Оно приносит колоссальные деньги. Это не просто высокодоходный бизнес, но мощная сфера влияния. Поэтому в этой сфере все время возникают новые персонажи. Сейчас, скажем, собираются строить торговые центры на Варшавке, в районе Хорошевского шоссе, на Кутузовском, в районе Дмитровского шоссе. Я не уверен, что Москве не хватает именно торговых центров. Ей явно не хватает чего-то другого. Но владение территориями всегда будет основанием для участия в политике. Нынешняя архитектурная власть вынуждена обслуживать сильных мира сего.

— Вас послушаешь — и возникает ощущение, что архитектор в Москве — почти легионер, профессия — работа на минном поле... Так что же вас заставляет заниматься архитектурой?

— Я ее люблю! Профессия для меня — наркотик. Я без нее не могу.

— Несмотря на то что строить в современной Москве — все равно что ломиться сквозь джунгли?

— Да, весь процесс — от начальной экспертизы до финального авторского надзора — каждодневная борьба, борьба за все. Но я же не Маугли: у меня есть инструменты, какое-то количество спутников, мы понимаем, что нужно хранить огонь, воду. И мы не можем не идти! Иначе неинтересно.

На войне, как мы знаем, старые солдаты погибали реже молодых. Я уже давно не новобранец. Знаю, как достичь результата. И знаю точно: если попадаете заказчик, который хотя бы на 30 процентов уважает мое мнение, добьюсь того, что нужно. Всё, что я делаю — район, группу домов, интерьер, — для меня значимо. Интересно каждый раз пытаться решить задачу иным способом, использовать новые приемы и материалы, обосновывать все, что выходит за стены мастерской...

— А что интереснее: придумать или построить?

— Придумать — интересно очень. А построить — вообще что-то невозможное! Когда ты видишь, как снимаются леса с дома... Ни одно человеческое удовольствие не могу с этим сравнить. Наверное, я страшно тщеславный человек.

— Ревнуете к успеху других?

— Конечно! Не к тому, что они сделали, а к тому, что у них была такая возможность. Иногда кажется: в этом месте я построил бы лучше, интереснее. Но почему-то никто не дал мне эту площадку!

— Возможности замешаны на компромиссах?

— Ну не хочу я «решать вопросы»! Если бы все здания, которые я спроектировал за свою жизнь, построили, — Москва выглядела бы другим городом. Давно собираюсь почитать воспоминания архитекторов, через которых прошла смена строя и смена вех, — Щусева, Жолтовского или Фомина...

— В архитектуре существует понятие моды?

— Конечно. Но архитектурную моду в России всегда создавали политики: Сталин, Хрущев, Брежнев.

По моим представлениям, архитектура должна быть актуальной. Когда был недавний конкурс на Царев сад (напротив Васильевского спуска), я предложил построить современное здание, смелое и одновременно тактичное, чтобы оживить перспективы на историческую архитектуру, как в свое время сделали пирамиды Пэя во дворе Лувра. Но оказалось, для этого нужна смелость, прежде всего тем, кто решает. В итоге, увы, выбрали неоклассику. Для меня — это все равно что раскрашивать трупы.

— Есть мнение, что парк на месте гостиницы «Россия», который будут проектировать американцы, в некотором роде — памятник эпохе Путина...

— С точки зрения горожанина, парк — это прекрасно, но с точки зрения архитектора и урбаниста, это место — одно из самых сложных и значительных пространств в городе. Оно всегда было таким: рядом Кремль, торговые ряды, церкви, гостиницы. Поэтому в решении о парке есть серьезный элемент популизма.

— Какой сегодня самый острый дефицит в архитектуре как профессии?

— Человеческий. Не хватает профессионалов, знаний, архитектурных школ, позитивного опыта.

— А сами преподавать пробовали?

— Конечно! С моими лучшими студентами из МАРХИ я начинал свою мастерскую. В прошлом году первокурсникам МАРШ я дал тему «Новая культура в городе». Они много времени потратили на исследование. На их взгляд, культурная жизнь Москвы не приспособлена для молодых 20—25 лет. Не хватает пространств, где люди могут одновременно работать, пить кофе, выходить в интернет, смотреть кино, свободно общаться, читать книги. Студенты хотели создавать полифункциональные пространства, в которых можно переключаться с одного вида деятельности на другой под знаком культуры, а не под знаком бизнеса. И те, кто смог удержаться от подражательного решения, — придумали очень интересные вещи...

— Что означает: быть в архитектуре брендом?

— Прежде всего — личную репутационную ответственность.

— Как рождается замысел?

— Зачем это знать?! Вы когда-нибудь спрашивали у мужчин: почему вот сейчас у него блондинка, а раньше была брюнетка? На границе участка начинаются твои фантазии, и ты наделяешь новое место своими собственными смыслами, поселяешь туда свою собственную метафизику... и потихонечку начинаешь осваивать. Рисуешь, думаешь. Но при этом я должен создать материальный продукт — грамотный, рациональный, и на него должно быть потрачено ровно столько денег, сколько нужно, ни рубля больше.

— Качество в архитектуре — это прежде всего деньги?

— Нет! Это прежде всего пропорции, уместность, талант. Честность своего рода. Мне очень жаль, что на Мосфильмовской вместо парка возле небоскреба появился торговый центр, но при всей своей способности убеждать я не смог переубедить волевого и жесткого заказчика. И хотя я ему сто раз говорил: «Нельзя тут строить торговый центр, ну нельзя!!!» Он отвечал: «Я приглашу другого архитектора, который сделает то, что я хочу. Ты же понимаешь, что я все равно построю». В итоге я уступил. Это пример компромисса.

— «Садовые кварталы», которыми вы занимаетесь, уже окрестили «городом будущего», расскажите о проекте подробнее.

— Они — на месте бывшего завода «Каучук». Там парки, бульвары, пруд, вокруг пруда — кафе, рестораны, театр. На пруд выходит школа, деловой центр, а в закрытых дворах четырех жилых кварталов, которые окружают пруд, стоят дома, соединенные подвесной дорогой, — такой безопасный коридор, по которому дети могут пройти в школу. Там еще три подземных уровня. В этот проект приглашены прекрасные московские архитекторы — Григорян, Плоткин, Скокан и другие. За каждым — несколько домов, а всего их там 40.

Уже строительные леса снимают с первых домов, в первом квартале и в четвертом всё продано. Но архитектура — долгосрочна. Серьезные задачи быстро не решаются. Я над проектом работаю 7 лет, и столько же придется еще. У нас же не Китай: за год у нас не строят. Проект пережил кризис, поменял владельца, трудностей много. Если к 2017 году все это будет построено, думаю, это будет лучший жилой квартал в Москве, с современным архитектурным обликом и новым уровнем организации жизни.

— Какие явления архитектуры вас воспитали?

— Мне дико нравятся старые крепости; романские замки с громадными глыбами стен и башен; псковско-новгородская архитектура, кривая, с угловыми окнами; старые кирпичные дома в Шотландии; финн Аалто с его медью; капелла в Роншане Корбюзье, с ума от нее просто схожу. В ней есть всё — и Псков, и Рим, и романские соборы, в ней столько метаморфоз... Итальянцев обожаю: Сиену, Сан-Джиминьяно, Ассизи, Урбино. Очень люблю пространства с диалогами фактур: люблю кирпич, в нем есть природа намешанной глины, неровность, разноцветность, люблю пережженный металл, в котором через ржавчину проступает синева, люблю медь с патиной. Лаконичность, чистота решения, энергия архитектурного жеста — ценности, которые пришли к нам из модернизма, во мне очень сильны. Не могу делать сухие минималистичные вещи: мне скучно.

Люблю «Рабов» Микеланджело, потому что в их незавершенности таится больше, чем в готовом произведении...

— Золотые пропорции, числа Фибоначчи, сажени — используете?

— Нет, я все делаю «на глаз»! В художественной школе у нас был отчет: как провел лето. Я в классе в седьмом привез грудку рисунков из Питера. Преподаватель спросил: «Ты брал кальку и накладывал на фотографии?» Я говорю: «Нет, я сел напротив Исаакия и рисовал». — «Не может такого быть, Сережа, ты врешь!» Я говорю: «Генрих Тадеушевич, не вру, я просто смотрю внимательно».

В выпускном классе этот педагог, Генрих Тадеушевич Стопа, сказал мне: «Ты должен идти в МАРХИ».